
Т.Н. Головина¹
Иваново

**ГЛУПОВСКОЕ ЛЮБОНАЧАЛИЕ И
НАЧАЛЬСТВОЛЮБИЕ В БИБЛЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

В статье показано, что проблема «власть и народ» раскрывается в «Истории одного города» с ориентацией на Библию в ее старообрядческом истолковании. Образы глуповских градоначальников, посягающих на Божественные prerogatives, и образы их подданных, хранящих «упорное начальстволюбие», соответствуют представлениям староверов о ложных божествах (идолах) и идолопоклонниках. Наказанием за богоотступничество служит «богооставленность царства» (Н.А. Бердяев), трагическим осознанием которой проникнуты сочинения старообрядцев и «История одного города».

Ключевые слова: «История одного города», Библия, старообрядчество, природа мирской власти, ложные божества, идолопоклонники.

T.N. Golovina
Ivanovo

**THE TOWN OF GLUPOV'S THURST FOR POWER AND LOVE OF
AUTHORITY IN BIBLICAL CONTEXT**

The article shows that the problem of power and people in “The History of a Town” is revealed with a focus on the Bible in its interpretation of the Old Believers. The characters of mayors of the town of Glupov encroaching on the prerogatives of the divine, and the characters of their subjects storing their “stubborn love for authority”, correspond to the Old Believers’ views on the false gods (idols) and idolaters. The punishment for apostasy is “the kingdom of those abandoned by God” (N.A. Berdyayev), the

---

¹ Татьяна Николаевна Головина, кандидат филологических наук.

tragic awareness of this permeating the works of Old Believers and “The History of a Town”.

Key words: “The History of a Town”, the Bible, Old Believers, the nature of the secular power, false gods, idolaters.

В литературе о М.Е. Салтыкове-Щедрине не раз писалось о связях «Истории одного города» с Библией. Однако ученые ограничивались указанием на апокалипсические мотивы в главе «Подтверждение покаяния. Заключение», сопровождая его оговорками: «Несомненно <...> что “эсхатологическая” окраска картин, это как бы всеразрушающее и прекращающее течение истории *оно* (курсив автора. – Т. Г.), есть не более как необходимая уступка стилю “летописца-архивариуса» [Бушмин, 1959, с. 89]. Или: «Восприятие Щедриным “Откровения Иоанна Богослова” выражается не в погружении в идею религиозную, а в обращении к стороне внешней, событийной...» [Павлова, 1981, с. 128]. Моя задача заключается в том, чтобы показать, что библейских реминисценций в «Истории одного города» больше, и – главное – смысл их значительно глубже.

Приведу примеры, доказывающие, что ассоциации с Ветхим и Новым Заветами пронизывают все главы и все уровни текста.

Салтыков цитирует Священное Писание, в частности начальную строку псалма «На реках вавилонских...», в главе «Соломенный город». Встречаются и парафразы евангельских изречений, например, в главе «Поклонение мамоне и покаяние»: «Человек не одной кашей живет» (8, с. 380). В главе «Сказание о шести градоначальниках» использовано характерное для Библии клише (выделено мною курсивом. – Т.Г.): «Взяв в плен казначея и бухгалтера, а казну бессовестно обокрав, <Ираида Палеологова> *возвратилась в дом свой*» (8, с. 293). Еще раз это устойчивое словосочетание встречается в журнальном варианте главы «Подтверждение покаяния. Заключение»: «Было множество молодых глуповцев, которые <...> долгое время странствовали по чужим краям, а к тому времени *возвратились в дома свои*» (8, с. 589).

Иногда библейский мотив редуцирован до «проходной» детали, какой представляется, на первый взгляд, звук «ту-ру-ту-ру», сопровождающий прибытие в Глупов карательной команды. Он

вызывает в памяти иерихонские трубы, разрушившие стены города (Нав. 6: 19), и трубные голоса семи Ангелов, возвещающие Конец Света (Откр. 8: 6–10). Это пример скрытой реминисценции. Но часто ситуации и герои открыто уподобляются описанным в Библии событиям и персонажам. Так, вслед за народной молвой повествователь-летописец в главе «Голодный город» сравнивает Фердыщенко и Аленку с Ахавом и Иезавелью. Вспомним события, изложенные в «III Книге Царств». Израильский царь Ахав по наущению своей жены Иезавели отобрал виноградник у Навуфея, а самого Навуфея казнил. В наказание Господь послал израильтянам тяжкие испытания, продолжавшиеся до тех пор, пока Ахав и Иезавель не были растерзаны псами. Такая же участь постигла «бригадирову сладкую утеху» Аленку, которая, по мнению глуповцев, навела на город Божью кару – засуху и голод.

Пародийно переосмыслены другие библейские сюжеты. Выражение «усекновение головы майора Прыща» (8, с. 373) в главе «Поклонение мамоне и покаяние» вызывает ассоциации с евангельским повествованием о смерти Иоанна Крестителя: «Она <Иродиада> сказала <Ироду>: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя» (Мф. 14: 8). В той же главе рассказывается о том, как глуповцы, подобно жителям Вавилона (Быт. 11: 4–8), «вздумали строить башню с таким расчетом, чтоб верхний ее конец непременно упирался в небеса» (8, с. 376). Следующий за этим эпизод идолопоклонства глуповцев продолжает ассоциативный ряд, связанный с прегрешениями избранного народа перед Господом, самым тяжким из которых является служение ложным божествам.

Количество летописцев – их четверо – соответствует числу евангелистов. Они обладают «пророческим даром»: предвидят строительство железных дорог, изобретение телеграфа и проч.

Я привела эти весьма тривиальные наблюдения (количество можно было бы умножить), потому что, как мне кажется, лежащие на поверхности библейские реминисценции выполняют функцию обнажения приема. Умышленно их нагнетая, Салтыков побуждает читателя искать иные параллели, не столь явные, но гораздо более значимые для понимания смысла книги. В результате перед читателем открывается «метаисторический» сюжет, представляющий собой

параллель сюжету «историческому». Причем оба они вызывающе снижены.

«История в некотором смысле есть священная книга народов» [Карамзин, 1989, с. 13], – писал Н.М. Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского». В первоначальном его варианте, по свидетельству А.С. Пушкина, аналогия между Священной и национальной историями была выражена еще отчетливей: «История для народа то же, что Библия для христианина» [Пушкин, 1979, с. 89].

Салтыков нарушил правило соблюдать благоговейную серьезность при обращении с историческими фактами и даже с текстом Священного Писания. Но считать это глумлением над прошлым своего народа и богохульством столь же неверно, как видеть кощунство в средневековых пародиях на церковные песнопения и молитвы [Бахтин, 1965, с. 17-19 и др.; Лихачев, 1987, с. 348]. Подобно их безымянным авторам, Салтыков преследовал иную цель, чем осмеяние святых. Какую – это предстоит выяснить.

Начну с такого ключевого эпизода «Истории одного города», как поиски головотяпами князя, о которых рассказывается в главе «О корени происхождения глуповцев». В связи с ним возникает широкое поле ассоциаций, как исторических (факт призвания князей-варягов на Русь и полемика ученых по этому поводу¹), так и литературных (басня И.А. Крылова «Лягушки, просящие царя», сюжет которой заимствован из одноименной басни Лафонтена, в свою очередь восходящей к Эзопу). Но важнейшие из них отсылают читателя к Ветхому Завету.

Прежде всего приходит на память рассказанная в «Книге Судей» притча о том, как деревья предложили Маслине, Смоковнице и Виноградной Лозе царствовать над ними. Те отказались оставить свои добрые плоды ради власти. Тогда деревья обратились с той же

---

¹ Замечу, что это сквозной мотив в творчестве Салтыкова-Щедрина. Вариации на тему приглашения иноземных правителей есть в ряде произведений разных лет: «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «Современная идиллия» и др. Повествование об этом эпизоде русской истории неизменно окрашено авторской иронией: «...В старые годы отцы наши варягов из-за моря призывали, и варяги порядок у нас производили, и не обошлось без того, чтобы гости хозяев легонько не постегали. <...> И стало <...> хозяевам куда как радостно: земля, говорят, наша хоть и не изобильна, да порядок в ней есть <...>» («Невинные рассказы». – 3, с. 11-12).

просьбой к Терновнику. И он согласился: «Если вы вправду ставите меня царем над вами, то идите, покойтесь в моей тени; если же нет – выйдет огонь из Терновника и пожжет Кедры Ливанские» (Суд. 9: 8–15). Смысл притчи в том, что к власти стремятся отнюдь не самые достойные.

Другая ассоциация – с восьмой главой «I Книги Царств» – еще более значима для понимания отношения Салтыкова к сильным мира сего. Сравним.

«История одного города»: «Надумали они <головотяпы> искать себе князя. – Он нам мигом все предоставит <...> он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следует, выстроит! Айда, ребята! <...>» А далее реплика князя: «И будете вы мне платить дани многие <...> у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломи его на-четверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну - и вы идите!» (8, с. 274-275).

«I Книга Царств»: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: <...> Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. <...> И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними <...>

И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права <...> сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает их всадниками своими <...> и чтобы они возделывали поля его <...> и от посевов ваших и от виноградных садов ваших возьмет десятую часть <...> и сами вы будете ему рабами; и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда. Но народ не послушался голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (I Цар. 8: 7). Земной царь трактуется здесь как соперник Царя Небесного.

Мотив посягательства земных правителей на божественные прерогативы проходит через всю «Историю одного города».

В начале истории города Глупова было слово, слово было у князя, и слово было: «Запорю!» – «с этим словом начались исторические времена» (8, с. 277). И в других произведениях Салтыкова начальники мыслят себя создателями мироздания – демиургами. «Вначале земля была пуста – кто ее заселил? Звери свободно ходили из края в край – кто им надлежащие места определил? <...> Не было ни земских, ни уездных судов, а тем паче магистратов и ратуш – откуда восприняли они начало?» – на эти вопросы у героя очерка «Завешание моим детям» из цикла «Признаки времени» есть один ответ: «Начальство» (3, с. 12).

В одном из очерков цикла «Недоконченные беседы» повествователь, прочитав в газетах о суде над волчанским исправником Зографом, обвиняемым в превышении власти, пытается определить: «Да кто же кому предшествовал, Зограф ли Волчанску или Волчанск Зографу?» (15-2, с. 276) Решение приходит в виде «аллегорического сновидения»: «Вначале будто бы появился исправник <...> Налетели <...> нижние чины и зачали город завивать» (15-2, с. 277). Потом исправник сотворил людей: брошенные им камни превратились в жителей города, а градской голова был слеплен из глины.

Каждый щедринский администратор независимо от ранга претендует не только на роль Творца, но и на роль всемогущего, вездесущего и всеведущего Вседержителя. Помпадурсы (цикл «Помпадурсы и помпадурши») уверены в том, что наделены божественными свойствами. Один из них сочиняет руководство «Об административном вездесущии и всеведении» (8, с. 33). По приказу другого в местной газете напечатаны такие строки: «Начальство <...> есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдит и изыскивает» (8, с. 118–119).

Глуповские градоначальники, присвоив себе данное Богом первому человеку право нарекать имена, изменили названия народа и города: первый князь повелел головотяпам называться глуповцами, а Угрюм-Бурчеев переименовал Глупов в Непреклонск. Бородавкин предписал Константинополь «во всех учебниках географии числить тако: <...> губернский город Екатериноград» (8, с. 335). Кстати, мечты Бородавкина о завоевании Византии – деталь не случайная. В соответствии с теорией «Москва – третий Рим» глуповский

градоначальник выступает преемником римских и византийских императоров и как глава последнего православного государства наделяется мессианистической ролью¹.

Когда глуповские администраторы обнаруживают «непреоборимую склонность к законодательству» (8, с. 358), они вновь вступают в соперничество с Богом Отцом, вручившим Моисею Скрижали Закона (Исх. 19: 23), и с Богом Сыном, даровавшим людям Заповеди блаженства (Мф. 3: 11).

И.Т. Ищенко не без основания указывал на «Свод законов «Российской империи» как источник пародийных законодательных актов [Ищенко, 1973], в том числе рескриптов Беневоленского. Но остался без внимания тот факт, что стиль «Закона I-го», «Устава о добропорядочном пирогах печении» и «Устава о свойственном градоначальникам добросердечии» имеет мало общего со стилем государственных документов: «Всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесет дары» (8, с. 362). Лексика и синтаксис явно церковные, недаром Беневоленский сочинял также проповеди.

Убежденность властей предержавших в чудодейственной силе своих законов постоянно служила Салтыкову мишенью для насмешек. Приведу лишь названия некоторых пародийных циркуляров, инструкций и предписаний: «Проект всероссийского возрождения посредством распространения улучшенных пород поросят» («Помпадуры и помпадурши»), «О расстрелянии и благих оногo последствиях» («Дневник провинциала в Петербурге»), «Правила о переводе в разряд полезных животных тех из волков, кои добрыми нравами и примерным поведением признаны будут заслуживающими сего отличия» («В среде умеренности и аккуратности»). Обилие

---

¹ Идеологема об особом предназначении России иронически обыгрывается в «Истории одного города». В «Обращении к читателю» летописец сравнивает Глупов с Древним Римом, а глуповских градоначальников с римскими императорами. «Некоторое тайное указание» (8, 293) на последнюю династию византийских монархов содержится в фамилии одной из градоначальниц – Палеологова. Планы российских политиков «насчет <...> взятия Константинополя» (18-2, с. 239) Салтыков высмеял и в не предназначавшихся для печати «Рескриптах Николая Павловича Поль де Коку» (см. письмо к А.Н. Еракову, 21 декабря 1875 г.).

законов, их очевидная для всех, кроме самих законодателей, неосуществимость – все это придает им мистическую окраску. Сам сатирик называл такие государственные документы «волшебными», «чудесными» и «фантастическими».

Взыскание с обывателей дани, к чему сводится суть большинства законов, выглядит как требование жертвоприношений: «По вынутии (пирога. – Т.Г.) из печи, всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар» (8, с. 362–363). Ср.: «Начатки плодов земли твоей приноси в дом Господа, Бога твоего» (Исх. 23: 19).

Градоначальники обладают способностью «исцелять» людей, «например, один <...> плюнул подчиненному в глаза и тот прозрел» (8, 388). Параллель с евангельским текстом очевидна: «Он <Христос>, взяв слепого за руку, вывел его из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки...» (Мк. 8: 23).

Бородавкин, Дю-Шарио и Угрюм-Бурчеев присваивают себе божественную прерогативу устанавливать праздники. Первый учредил «празднование с свистопляскою» (8, с. 342) Слепород, второй – Перуновы именины, третий назначил праздники «по случаю переименования города из Глупова в Непреклонск», «в воспоминание побед, одержанных бывшими градоначальниками над обывателями» и в честь «предержавших властей» (8, с. 421).

Глуповские градоначальники полагают, что способны влиять на ход истории. «История города Глупова, замечает летописец, представляет собой мир чудес...» (8, 348) А «все в мире волшебство», как сказано в другой книге Салтыкова-Щедрина, «от начальства происходит» (15-1, с. 101).

Уверенные в своей безграничной власти над городом и его историей градоначальники все же не решаются распространить ее на природу. В сочинении «Мысли о градоначальническом единомыслии» Бородавкин спорит с теми, кто считает, «что градоначальническое единовластие состоит в покорении стихий»: «Желать следует только того, что к достижению возможно; ежели же будешь желать недостижимого, как, например, укрощения стихий, прекращения течения времени и подобного, то сим градоначальническую власть не токмо не возвысишь, а наипаче сконфузишь» (8, с. 429).

Но воображение самого зловещего из глуповских градоначальников «сбрасывает с себя всякое иго действительности и начинает рисовать своему обладателю предприятия самые грандиозные. Погасить солнце, повертеть в земле дыру, через которую можно было бы наблюдать за тем, что делается в аду – вот единственные цели, которые истинный прохвост признает достойными своих усилий» (8, с. 114). Угрюм-Бурчеев задумал обуздать Божью стихию. Он «был убежден, что стоит только указать: от сих мест до сих – и на протяжении отмеренного пространства наверное возникает материк, а затем по-прежнему, и направо и налево, будет течь река» (8, с. 408). Сравним: «И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую стороны» (Исх. 14: 22). Или: «Господь сказал Иисусу (Навину. – Т.Г.): сей день Я начну прославлять тебя перед очами всех сынов Израиля, дабы они узнали, что как Я был с Моисеем, так буду и с тобою <...> Вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною на весьма большое расстояние <...> а текущая в море равнины, в море Соленое, ушла и иссякла» (Нав. 3: 16). То же дано сотворить Илие и Елисею: «Елисей поднял милоть Илии, упавшую с него, и <...> стал на берегу Иордана <...> и ударил ею по воде <...> И она расступилась туда и сюда и перешел Елисей. И увидели его сыны пророков, которые в Иерихоне, издали, и сказали: опочил дух Илии на Елисее» (4 Цар. 2: 7–8).

Переключу свое внимание с библейского плана на реально-исторический. Деяния глуповских градоначальников есть не что иное, как попытки утвердиться в роли Бога. К этому же стремились некоторые русские самодержцы – Петр I, Павел I и др. В интереснейших работах В.М. Живова и Б.А. Успенского [Живов, Успенский, 1994; Успенский, 1998] приводятся разнообразные факты, свидетельствующие о харизматическом понимании царской власти в России. Среди них именование императора Богом, Христом в одической традиции, прославление его как основателя города (что соотносимо с сотворением мира) и покорителя водной стихии, празднование дней рождений царей и членов их семейств наравне с церковными праздниками и пр.

В христианском поклонении монарху как заместителю Бога на земле просматриваются реликты архаического «царского мифа», о

котором писал Д. Фрээр: «Царь <...> наделен сверхъестественными способностями или является воплощением божества, и в соответствии с этим верованием предполагается, что ход природных явлений <...> находится под его контролем. На него возлагают ответственность за плохую погоду, плохой урожай и другие стихийные бедствия» [Фрээр, 1983, с. 165].

Глуповцы убеждены, что источник их процветания – добродетельный властелин: «Целых шесть лет сряду город не горел, не голодал, не испытывал ни повальных болезней, ни скотских падежей, и граждане не без основания приписывали такое неслыханное в летописях благоденствие простоте своего начальника...» (8, с. 306). Напротив, незаконный правитель навлекает несчастья на свой народ: «Старожилы не без основания приписывали это явление (засуху. – Т. Г.) бригадирскому грехопадению» (8, с. 310). И сами градоначальники уверены, что от них мистически зависит благополучие Глупова. «Утучнятся поля, прольются многоводные реки, поплывут суда, процветет скотоводство, объявятся пути сообщения» (8, с. 329), стоит только градоначальнику посетить свои владения. Прибытия в Глупов одного из таких правителей граждане ожидают, как Христова пришествия: «Жители ликовали <...> Поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы...» (8, с. 280)

Но история города Глупова хранит примеры не только «упорного начальствования» (8, с. 281). В народе ходили слухи о том, что Брудастый «совсем даже не градоначальник, а оборотень» (8, с. 283). «Проповедник <...> перелагал фамилию “Бородавкин” на цифры и доказывал, что <...> выйдет 666, то есть князь тьмы» (8, с. 340). Любовницу Беневоленского дразнили «антихристовой наложницей» (8, с. 374). «Всеобщее изобилие» при градоначальнике Прыще приписывали «участию черта» (8, с. 367). Угрюм-Бурчеву «народная молва присвоила <...> название «сатаны» (8, с. 398).

В этом двойственном отношении глуповцев к своим градоначальникам отразилась реальная картина восприятия монаршей власти в России: как харизматической – в официальном православии и как имеющей антихристову природу – в старообрядчестве [Гурьянова, 1998].

Интерес Салтыкова к «старой вере», возникший еще в период службы в Вятке, когда он «имел случай практически изучать раскол»

(5, 49) [Макашин, 1951, с. 352-366; Петряев, 1984] не угасал и в последующие годы: он прочел много книг о расколе, сам записал от старообрядцев несколько духовных стихов. Из его статьи о «Сказании о странствии инока Парфения» (1857), а также из рецензий на книги «Современные движения в расколе» (1863) и «Сборник из истории старообрядства» (1864) видно, что писатель глубоко понимал «внутреннюю сущность» (5, с. 400) этого религиозного течения, хотя и не все принимал в нем. Тем не менее, во «Введении» к циклу «Мелочи жизни» (1886–1887) он писал о старообрядцах как о «цвете русского простолюдыя» (16-2, с. 9). Ранее, в 1864 г., та же мысль прозвучала в неопубликованном тогда апрельском выпуске хроники «Наша общественная жизнь».

Тема старообрядчества разрабатывалась Салтыковым в ряде художественных произведений разных лет: в «Губернских очерках», «Тихом пристанище», «Пошехонской старине» и др. Но даже в тех сочинениях, где она, казалось бы, не затрагивается, можно обнаружить отголоски хорошо известной писателю старообрядческих книг¹. Думается, идея, центральный образ и даже название сказки «Пропала совесть» навеяны сатирой анонимного приверженца старой веры «Известия новейших времен», в которой есть такие строки:

«Правда *пропала*.

Совесть хромает» (курсив мой. – Т.Г.) [Цит по: Юзов, 1882, с. 197].

В «Истории одного города» влияние старообрядческой идеологии и литературы не слишком явно, но весьма ощутимо. Самый главный образ книги – город Глухов – и авторское отношение к нему невольно заставляют вспомнить слова апостола Павла: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13: 14). Их часто цитировали старообрядцы. Ими заканчивается «Послание Стаду верных или Кораблю Христову» протопопа Аввакума: «Не имамы зде града, но грядущего взыскуем» [Пустозерская проза, 1989, с. 173].

---

¹ «По обязанности следователя Салтыкову часто приходилось знакомиться с находившимися в старообрядческих скитах и пустынях старинными рукописными сборниками, со всякого рода раскольничьими “цветниками” и “трилистниками”» [Макашин, 1951, с. 365].

Этими словами ревнители старой веры отвечали на вопрос о месте жительства: «Града настоящего не имею, но грядущаго взыскую» [Авраамий, 1989, с. 509].

В главе «Голодный город» есть несколько параллелей и чуть ли не прямых отсылок к так называемой «Книге толкований» протопопа Аввакума. Одна из ведущих тем этого сочинения – тема личной ответственности царя за положение дел в государстве: «...началних согрѣшения какову бѣду миру наносить <...> А в нашей России <...> много пагубы бывало: морь на всю землю, и сѣча, и междоусобие, и кровь безпрестанно льется, за начальничьи игрушки!» [Пустозерская проза, 1989, с. 435].

Глуповцы также видят причину своих страданий в беззакониях, творимых правителями: «...мы, сироты, за твою дурость напасти терпели!» (8, с. 311) Жители Глупова укоряют градоначальника Фердыщенко: «А ведь это поди ты неладно, бригадир, делаешь, что с мужней женой уводом живешь!» (8, с. 311) Здесь легко прочитывается намек на библейское повествование о царе Давиде, завладевшем женою своего военачальника Вирсавией. Этот ветхозаветный сюжет использовал и Аввакум, чтобы убедить царя Алексея Михайловича раскаяться: «О, царю Алексѣе! <...> Возри на царя Давида, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, женѣ Уриевѣ, сирьчь у живого мужа отнял жену и на постелю к сѣбе взялъ» [Пустозерская проза, 1989, с. 435]. В «Книге толкований» Аввакум упоминает о царе Ахаве и царице Иезавели, чье поклонение Ваалу (в библейской и святоотеческой традиции имя этого языческого божества воспринималось как синоним разврата, телесного и духовного) навлекло на Израиль страшные беды. Напомню, что глуповский летописец уподобляет Фердыщенко и Аленку тем же самым персонажам Святого Писания.

В названных эпизодах из «Книг Царств» неправедным царям противостоят пророки Нафан и Илия Фезвитянин. Образ бесстрашного обличителя есть и в «Книге толкований», и в главе «Голодный город». Аввакум, сравнивая царя Алексея с Давидом и Ахавом, роль сурового обвинителя отводит самому себе. «Самый древний в Глупове человек» (8, с. 313) Евсеич некоторыми своими чертами напоминает ревнителя «древлего благочестия» Аввакума: смело указывает правителю на его грехи, призывает к покаянию и без ропота готов принять за это

наказание: «С правдой мне жить везде хорошо!» (8, с. 314) Восклицание Евсеича подобно возгласу Аввакума: «Отрада на душу гонение велико живеть» [Пустозерская проза, 1989, с. 436]. Евсеич повторил судьбу «огнепального протопопа». Он «исчез без остатка, как умеют исчезать «старатели» русской земли» (8, с. 315). Если учесть, что казни старообрядцев обычно осуществлялись путем сожжения, то особый смысл приобретут слова глуповцев о том, что их можно «в кучу сложить и с четырех концов запалить» (8, с. 311), а также сцена пожара, описанная в следующей главе «Соломенный город».

Проведенное сравнение убеждает, что влияние старообрядчества на Салтыкова-Щедрина было весьма значительным. О том же говорит и такой известный факт. Беседы с раскольниками в ходе проводимого Салтыковым в 1854–1855 гг. следствия произвели на молодого чиновника столь сильное впечатление, что фамилия одного из них стала постоянным псевдонимом писателя.

К сожалению, тема «Салтыков-Щедрин и старообрядчество» затрагивалась редко и притом исключительно в работах биографического плана. Давняя кандидатская диссертация Д.Ф. Лучинской «“Губернские очерки” М.Е. Салтыкова-Щедрина» [Лучинская, 1954] – единственное известное мне исследование, в котором показано, как Салтыков использовал свои знания о расколе в литературном труде. Поэтому, не претендуя на полноту ее раскрытия, остановлю свое внимание на таком вопросе, как отношение к мирской власти. И постараюсь доказать, что изображение правителей в «Истории одного города» ориентировано на Библию в ее специфически старообрядческом истолковании.

В действиях русских царей, начиная с Алексея Михайловича или с Петра I, староверы усматривали посягательство на божественный статус [Соловьев; Пыпин, 1897; Баснин, 1903; Успенский, 1976; Немировский, 1990; Platt, 2000]. Так, «Статья особая об антихристе» гласит: «Взяв себе власть не тоию царскую и святительскую, но и Божию, и учинися сам вместо Христа быти» [Цит. по: Гурьянова, с. 41]. Желание правителей утвердиться в роли Христа соответствовало идущим от Нового Завета представлениям о поведении антихриста. Царствующая особа объявляется антихристом

во многих старообрядческих сочинениях, например, в «Письме дьякона Федора к семье протопопа Аввакума»: «Несть царь, братие, но рожок антихристов [Пустозерская проза, 1989, с. 221].

Образы глуповских градоправителей есть во многом результат преломления в творческом сознании Салтыкова старообрядческих учений о «чувственном» и «расчлененном» антихристе (т.е. воплощении его в целом ряде реальных исторических лиц). Ранее приведенные примеры градоначальнических амбиций дополню апофеозом «бесстыжности притязаний» (8, с. 412) – покорением водной стихии. Угрюм-Бурчеев, разгневавшись на реку за то, что она «не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска» (8, с. 408), пытается ее укротить: «Уйму, я ее уйму!» (8, с. 408). Весьма близкая смысловая параллель к этому эпизоду находится в старообрядческом «Цветнике»: «Как он <Петр I> ехол по Ладовскому озеру <...> и как привидив истинный Бог и Творец всей твари, что он будет Богу и святым Его противник, и воздвигнул бурной ветр, и кочал его волнами три дня и три ночи. А он, яко лев лютой, разсфирипися. Зрите, на Кого он прогневался и Кто его кочал волнами <...> И приехал к берегу и выскочел, яко лев из вертепу, закричал громким своим голосом и свирипым оком: Подовайте полоча с кнутами наказовати озера. При сем зрите опасно, Кого он наказовал. Но он наказовал не тварь, но Творца, не создание, но Создателя» [Цит. по: Гурьянова, 1988, с. 129].

Между «Цветником» и «Историей одного города» имеется еще одна – важнейшая – переключка. В «Цветнике» неизвестный защитник старой веры утверждает, что подчинение царской власти равносильно признанию владычества антихриста: «...антихрист, диавол и седмиглавый змий <...> нам прислал отраду и ослабу <...> мы ему вручили свои души и плотим душевный клад, аки Богу святому, и дитей ему своих в полки бесовский провожаем и снаряжаем...» [Гурьянова, 1988, с. 143]. Очевидны, во-первых, ориентированность этого отрывка на уже цитированный фрагмент I Книги Царств и, во-вторых, его сходство с эпизодом поисков князя в главе «О корени происхождения глуповцев». Из этого следует существенное уточнение. Ранее рассказ глуповского летописца о поисках князя я напрямую соотнесла с Библией. Теперь же отмечу наличие опосредующего звена – старообрядческой книги.

Осмелюсь предположить, что Салтыков воспринимал противоречивые указания Библии относительно мирской власти именно в старообрядческом ключе. Староверы находили в Библии многочисленные подтверждения законности и праведности своего неповиновения властям. Они ссылались, например, на слова Самуила о том, как «велик грех, который вы <израильтяне> сделали пред очами Господа, прося себе царя» (I Цар. 12: 17). Официальное православие занимало полярно противоположную позицию. Поддерживая правительство, оно также опиралось на авторитет Священного Писания: «...будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа... (I Петр. 2: 13)¹».

Подданные, обоготворяющие земного царя, с точки зрения старообрядцев, являются отступниками от истинного Бога, идолопоклонниками. Эта мысль близка автору «Истории одного города». Глуповцы почитают своих правителей как богов. Летописец неоднократно упоминает об их «склонности к сооружению монументов» (8, с. 236) в нарушение заповеди «Не делай себе кумира» (Исх. 20: 4).

Да и сами по себе градоначальники, по крайней мере, некоторые из них, больше похожи на изваяния, чем на живых людей. Так, основная черта облика Угрюм-Бурчеева – неподвижность: «Он не жестикулировал, не возвышал голоса, не скрежетал зубами, не гоготал, не топал ногами, не заливался начальственно-язвительным смехом <...> Он никогда не бесновался, не закипал, не мстил, не преследовал...» (8, с. 398). Использованный при изображении его лица эпитет «деревянное» соотносится не с человеком, а со статуей. Отнюдь не случайно летописец начинает рассказ об Угрюм-Бурчееве с описания церковной фрески, на которой изображен сатана, застывший в скульптурной позе: «Сатана представлен стоящим на верхней ступени адского трона, с повелительно простертою вперед рукою и с мутным взором, устремленным в пространство. Ни в фигуре, ни даже в лице врага человеческого не усматривается особой страсти к

---

¹ Полемика об отношении церкви к мирской власти не утрачивает актуальности [См.: Асмус, 1996, 1997, 1998; Шохин, 1997, № 2; 1997, № 4; 1998; Игумен Иннокентий (Павлов), 1999].

мучительству, а видится лишь нарочитое упразднение естества. Упразднение сие произвело только одно явственное действие: повелительный жест, – и затем, сосредоточившись само в себе, перешло в окаменение» (8, с. 399).

В России существовала прочная церковная и литературная традиция связывать «статуи с идолопоклонством, с сатанинскими силами, с колдовством» [Якобсон, 1987, с. 173]. О том, что у Салтыкова представители высшей государственной власти ассоциировались со статуями-идолами, свидетельствует и подпись «Статуй» под посланиями императора в небезызвестных «Рескриптах Николая Павловича Поль де Коку».

В служении ложным божествам, в поклонении идолам, как гласит Библия, заключаются «начало и конец и причина всякого зла» (Прем. 14: 27). Тема обреченных гибели нечестивых городов проходит через весь Ветхий Завет: «Смерть, убийство, ссора, меч, бедствия, голод, сокрушения и удары, – все это для беззаконных; и потоп был для них» (Сир. 40: 9-10).

Глупов живет в ожидании Божьей кары. Время от времени являются «юродивые и блаженные и предсказывают народу всякие бедствия» (8, с. 240). Мишке Возгрявому приснился «муж грозен и облаком пресветлым одяен» (8, с. 290). Юродивый Архипушка предрекает: «Увидите меч огненный, услышите голос архангельский...» (8, с. 322). Страшную катастрофу прорицает купчиха Распопова. Параллель с библейскими пророками так и просится быть замеченной.

Однако более, чем персонажи, достоин этого сравнения сам автор. Следуя русской традиции, Салтыков сопоставлял предназначение писателя с миссией пророка, но делал это в своей обычной горько-иронической манере. Так, в угрозах глуповцев в адрес писателя-обличителя улавливается напоминание об участии побитого камнями пророка Иеремии: «А мы-то будем надрывать от смеху! А мы-то будем взапуски швырять в тебя, кто камешком, а кто и поленцем, в то время как ты, весь в язвах, будешь, подпрыгивая от боли, удаляться от нас в пустыню! <...> Ишь ты пророк какой выискался!» («Сатиры в прозе». – 3, с. 281). Вся «История одного города» являет собой грозное предупреждение погрязшему в грехах «городу». В беспощадной щедринской критике сильных мира сего

слышатся гневные интонации Исайи: «...князя <...> законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою...» (Ис. 1: 23); «...вы <князя> опустошили виноградник; награбленное у бедного в ваших домах...» (Ис. 3:14).

Но в том, что вокруг несправедливость, насилие, разврат, виноваты не только правители, виноват сам народ: «Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? <...> Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими» (Ис. 1: 4-7). Слова пророка – не презрительная насмешка, а жестокий, но заслуженный укор и призыв к покаянию. Таково и отношение Салтыкова к своему народу, многими не понятое и истолкованное как «бесцельное глумление» (8, с. 453) над ним.

В свете этого многочисленные несчастья, которые одно за другим обрушиваются на Глупов, воспринимаются как наказание за идолопоклонство – «начальстволюбие», заменившее любовь к Богу. Картины засухи и пожара в главах «Голодный город» и «Соломенный город», голода в главе «Поклонение мамоне и покаяние», наводнения и смерча в главе «Подтверждение покаяния. Заключение» явно ориентированы на «Книги пророков», которые описывают гибель нечестивых городов от огня, мора, меча и потопа. Приведу несколько цитат из них. «...и дал Я вам голые зубы во всех городах ваших и недостаток хлеба во всех селениях ваших; но вы не обратились ко Мне, говорит Господь. И удерживал от вас дождь за три месяца до жатвы. <...> Производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня, – и при всем том вы не обратились ко Мне» (Ам. 4: 6-13). «Я сделаю тебя городом опустелым, подобным городам необитаемым, когда подниму на тебя пучину, и покроют тебя большие воды <...> не для веяния и не для очищения; и придет ко мне оттуда ветер сильнее сего, и Я произнесу суд над ними. Вот, поднимается он, подобно облакам, и колесницы его – как вихрь...» (Иер. 4: 11-13) «Идут из отдаленной страны, от края неба, Господь и орудия гнева Его, чтобы сокрушить всю землю. Рыдайте, ибо день Господа близок, идет как

разрушительная сила от Всемогущего. Оттого руки у всех опустились, и сердце у каждого человека растаяло» (Ис. 13: 5-7).

Ориентация на Вечную Книгу позволила Салтыкову наполнить свое «историческое» произведение метаисторическим смыслом. Как известно из письма в редакцию журнала «Вестник Европы», автор горячо возражал против попыток некоторых критиков ограничить его труд рамками исторической сатиры: «Не «историческую», а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду...» (8, с. 452) Это высказывание иногда истолковывалось как признание в том, что сатира написана на злобу дня.

Это неверно. Ведь не для того же Салтыков спорил с рецензентами, чтобы самому заключить «Историю одного города» в другие тесные границы – границы своего времени? Называя «Историю одного города» «обыкновенной сатирой», он имел в виду, что ее содержание нельзя приурочить к какому-либо конкретному историческому периоду. Вневременной смысл этого произведения тонко почувствовал и изобретательно передал режиссер С. Овчаров в киноверсии «Оно», где сквозь призму «Истории одного города» показаны события и отдаленного и недавнего советского прошлого.

Помещая «Историю одного города» в теологический контекст, следует, однако, соблюдать известную осторожность. Первые биографы отмечали глубокую религиозность Салтыкова [Трубачев, 1889, с. 138]. Затем пришли времена, когда атеизм вменялся писателю в заслугу [Лебедев, 1967]. Сейчас все чаще встречаются утверждения, подобные следующему: «Салтыков был прежде всего русским православным человеком» [Захаров, 1994, с. 258]. Но ответ на вопрос о вере или безверии Салтыкова, по-видимому, не так прост. Он требует серьезного обоснования с привлечением всех биографических фактов и с учетом семантики художественных произведений.

Осознавая всю сложность и ответственность размышлений о миропонимании писателя, сосредоточусь на вопросе о том, насколько щедринское видение истории соответствовало христианским взглядам на нее. В христианской историософии основным является понятие Божественного промысла, который и направляет ход истории. Вера в Бога предполагает разумность творения. Салтыков же не ощущал тайного присутствия Логоса в истории. В то же время у него не было и просветительской веры в могущество человеческого разума как

двигателя прогресса. Поэтому история в изображении сатирика лишена смысла. Это история города Глупова или, иначе говоря, глупая история.

Для христианского сознания «смысл истории – в искуплении греха и возвращении творения к Творцу» [Бердяев, 1989, с. 139]. Ожидая Конца Света, христианин верит в явление Нового неба и Новой земли. Эсхатологические настроения Салтыкова не были проникнуты надеждой на преобразование мира. «Глуповский летописец» зафиксировал несколько «светопреставлений», но после каждого из них все возвращается на круги своя. «Град пребывающий» – город Глупов – вновь и вновь возникает в прежнем качестве. «Града грядущего» нет и не предвидится, ни в библейском образе Небесного Иерусалима, ни в секуляризованном виде земного утопического города [Головина, 1997, с. 37-60].

Е. Трубецкой в книге «Смысл жизни» писал: «В аду (несколькими строками ниже он пояснил, что “ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем”. – Т.Г.) все – вечное повторение <...> поэтому даже самое разрушение там – призрачно и принимает форму дурной бесконечности, безысходного магического круга». И далее: «Во Христе жизненный круг перестает быть порочным кругом. Победою на кресте упраздняется дурная бесконечность и дурная периодичность смерти» [Трубецкой, 1994, с. 267, 296].

При билии параллелей с Ветхим Заветом в «Истории одного города» почти отсутствуют евангельские мотивы. Благая весть о Христе, об искуплении грехов, о спасении как будто не коснулась ушей автора. В рассказанной им истории нет даже смутного намека на явление в мир Спасителя. Слова Иоанна Предтечи: «...стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня» (Ин. 1: 26-27), – в искаженном виде: «Идет некто за мной <...> который будет еще ужаснее меня» (8, с. 397), – произносит Угрюм-Бурчеев – лжепророк, предсказывающий приход антихриста.

Из новозаветных книг лишь «Откровение Иоанна Богослова» нашло отражение в «Истории одного города» в главе «Подтверждение покаяния. Заключение». Причем в восприятии Салтыкова

Апокалипсис – это кара, которая грозит отпавшему от Бога и упорствующему в грехе человечеству. Такое толкование «Откровения» неполно, так как в нем отсутствует вера в окончательное поражение зла и преображение мира. «Нет ожидания эпохи Святого духа <...> Его эсхатология все-таки прежде всего эсхатология суда. Это один из эсхатологических аспектов, но должен быть другой» [Бердяев, 2008, с. 250, 252], – сказано как будто о финале «Истории одного города», хотя на самом деле Н.А. Бердяев имеет в виду «Повесть об антихристе» Вл. Соловьева.

В христианском понимании «история <...> есть драма <...> имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарзис, свое свершение» [Бердяев, 1990, с. 23]. В книге же Салтыкова-Щедрина история представлена в виде фарса, бесконечного и бессмысленного. Из нее ушло то, что придает ей смысл, направление и цель – Божественный промысел. История оказалась во власти враждебных Богу и человеку сил, заставляющих ее двигаться по замкнутому кругу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраамий. Вопрос – ответ старьца Авраамия // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М.: Художественная литература, 1989. – Кн. 2. – С. 508-522.

Асмус, В. Происхождение царской власти. К истолкованию I Книги Царств / В. Асмус // Regnum Aeternum (Царство Вечное). – Москва; Париж, 1996. – Вып. 1. – С. 41-46.

Асмус, В. Открытия господина Шохина / В. Асмус // Радонеж. – 1997. – № 16–17. – С. 8.

Асмус, В. О В.К. Шохине и не только / В. Асмус // Континент. – 1998. – № 3 – С. 243– 247.

Баснин, П.И. Раскольничьи легенды о Петре Великом / П.И. Баснин // Исторический вестник. – 1903. – Т. 92. – С. 513-548.

Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965. – 543 с.

Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 12-253.

Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 300 с.

Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.

Бушмин, А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина / А.С. Бушмин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 644 с.

Головина, Т.Н. История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели / Т.Н. Головина. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1997. – 78 с.

Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма / Н.С. Гурьянова. – Новосибирск: Наука, 1988. – 187 с.

Захаров, В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994. – С. 249-261.

Игумен Иннокентий (Павлов) Язычествующие: Об одной антицерковной идеологии // Континент. – 1999. – № 99. – С. 212-222.

Ищенко, И.Т. Пародии Салтыкова-Щедрина / И.Т. Ищенко. – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 120 с.

Живов, В.М., Успенский, Б.А. Царь и бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В.М. Живов, Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки славянских культур, 1994. – С. 110-218.

Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – 640 с.

Лебедев, Я.М. Атеизм М.Е. Салтыкова-Щедрина / Я.М. Лебедев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.

Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 343-417.

Лучинская, Д.Ф. «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина: дисс. ... канд. филол. Наук / Д.Ф. Лучинская. – Казань, 1954. – 170 с.

Макашин, С.А. Салтыков-Щедрин: Биография / С.А. Макашин. – М.: Гослитиздат, 1951. – 588 с.

Немировский, И.В. Библейская тема в «Медном всаднике» / И.В. Немировский // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 3-17.

Павлова, И.Б. Загадка финала «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина / И.Б. Павлова // Писатель и жизнь. – М.: Советская Россия, 1981. – С. 122-130.

Петряев, Е.Д. Вятский плен / Е.Д. Петряев // Петряев Е.Д. Живая память. – М.: Молодая гвардия, 1984. – С. 120-130.

Пустозерская проза. – М. Московский рабочий, 1989. – 364 с.

Пушкин, А.С. Письмо Л.С. и О.С. Пушкиным, 4 дек. 1824 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л. Наука, 1979. – Т. 9. – С. 125.

Пыпин, А.Н. Петр I в народном предании / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1897. – Ч. 7. – С. 670-672.

Соловьев, С.М. Сказка о Петре Великом / С.М. Соловьев // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1862. – Кн. 4. С. 432-433.

Трубачев С. Литературная деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина / С. Трубачев // Исторический вестник. – 1889. – № 7. – С. 119-140.

Трубецкой, Е. Смысл жизни / Е. Трубецкой // Смысл жизни: Антология. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 243-488.

Успенский, Б.А. Historia sub specie semioticae / Б.А. Успенский // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1976. – С. 286-292.

Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 680 с.

Фрезер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер. – М.: Политиздат, 1983. – 704 с.

Шохин, В. Преемство или «вечное возвращение»? / В. Шохин // Континент. – 1997. – № 2. – С. 250-269.

Шохин В. О православии, цареславии и воцерковляемом монтанизме: (По поводу статьи прот. Валентина Асмуса и не только) / В. Шохин // Континент. – 1997. – № 4. – С. 371-396.

Шохин, В. В завершение дискуссии / В. Шохин // *Континент*. – 1998. – № 3. – С. 248-278.

Юзов, И. Политические воззрения староверья / И. Юзов // *Русская мысль*. – 1882. – № 5. – С. 181-217.

Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145-180.

Platt Kevin, M.F. Antichrist Enthroned: Demonic Visions of Russian Rulers // *Russian Literature and its Demons* / Ed. by Pamela Davidson. – https://vk.com/topic-90734187_33767310Oxford: Berghahn Books, 2000. – P. 87-124.
